

Наталия Рай
Вера

Наталия Рай

Вера

«Издательские решения»

Рай Н.

Вера / Н. Рай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858793-1

Волею судеб девочка оказалась в детдоме. Девочка много читает, тоскует по умершему отцу, тщательно выбирает друзей. Умная, книгу предпочитает всему, выдержанная, казённое носит как королевское. И очень похожа на свою пра-пра-прабабушку, дочь боярина.

ISBN 978-5-44-858793-1

© Рай Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Завещание	6
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вера

Наталия Рай

© Наталия Рай, 2017

ISBN 978-5-4485-8793-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Екатерине Асатуровой,
с благодарностью*

Если душа родилась крылатой —
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей – и что – Орда!

*Марина Цветаева,
18 августа 1918 года*

Глава 1. Завещание

Вера жила в детском доме. Так получилось.

Чем детский дом отличается от, например, интерната? Детдомовцы ходят, хотя и не всегда, в обычную школу. Интернатовцы всегда учатся в своей школе, при учреждении.

Иными словами, у детдомовцев больше свободы в передвижении. Хотя, в зависимости от возраста, вынуждены терпеть сопровождение старших. Но, взрослея, получают право передвигаться по городу самостоятельно.

Ограничение по времени, к которому следует вернуться в детдом, существует, тем не менее. Во-первых, волнуются те, кто за тебя отвечает, а волнуются все сотрудники, во-вторых, твоя неявка к назначенному времени нарушает распорядок дня других детдомовцев, с которыми ты делишь помещения и занятия.

Но это – в порядке вещей. Бывают вещи и похуже. Из таких вещей похуже, на данный момент, было то, что Выдра, недавно пришедшая к ним воспитательница (в обиходе – воспа), объявила Вере самую настоящую войну.

Нет, поначалу Вера к ней никакого интереса не проявляла, пришла и пришла. Мало ли их, случайных, тут перебивало...

Однако, Выдра, то есть Ветрова Дарья Родионовна, немного освоившись, решила привлечь именно Веру на службу интересам порядка и прочих непреходящих ценностей.

Вера была человеком неоднозначным. С одной стороны, на её слово можно было положиться. С другой – подружиться с ней удалось только Кате да Вячеславу, в обиходе – Славику. И это при количестве детдомовцев больше полусотни, причём примерно четверть из них – ровесники. Да в школе около тридцати одноклассников. А поди ж ты.

В какой-то день Выдра всплыла в закуток холла спального корпуса, где Вера обычно читала, присела на свободный табурет и затеяла с Верой неспешный разговор. Беседа, поначалу светская, постепенно и плавно перетекла в назидательную, а вскоре последовал и вроде бы неизбежный вывод:

– Так что если ты, Вера, не сочтёшь за труд информировать меня о поступках окружающих, нам (воспам, что ли?) удастся навести здесь настоящий порядок.

Вера никакой надобности в изменениях существующих порядков не видела, поскольку постоянные сотрудники и так установили здесь такой порядок, чтобы детдомовцы хотя бы временами чувствовали внимание и заботу. Но в любом случае она молчала бы. Она и продолжала молчать, никак не реагируя на странное предложение, как и на всю эту так называемую беседу. В самом лучшем случае она кивала (или не реагировала вовсе), а всё прочее время умудрялась смотреть словно бы и воспе в лицо, но вместе с тем – сквозь неё.

– Можешь ответить?

Вера ответила:

– Ни за что.

Выдре, видимо, показалось, что она ослышалась. Какая-то шмакодявка, которая от неё зависит на все сто процентов, вдруг отказывается выполнять такую простейшую просьбу.

– Ты хорошо подумала?!!

Вера даже не пошевелилась, продолжая смотреть в ту же невидимую даль, которая находилась прямо за спиной Выдры.

С воспы в какое-то мгновение слетела вся её томность, воспитанность и прочие качества, которые позволительно было лицезреть бросам (то есть детдомовцам, оставшимся без родителей или брошенных оными в самом начале их короткой ещё жизни, которые стали таковыми по разным причинам, но ведь стали!) в минуты её благоволения.

Ну вот, Вера так и знала, что Выдра – слишком мягкая кличка. Которую воспе прилепили из-за её инициалов. А клички следует лепить по иным характеристикам!

Уже уходя, Выдра добавила:

– Ты об этом очень пожалеешь! Ты даже не представляешь, как пожалеешь!

Почему же, диапазон неприятностей, которые могли причинить Вере или любому детдомовцу, был весьма обширен.

Но Выдра на то и Выдра, чтобы придумать нечто новенькое.

Учились они в обычной школе, но домашние задания выполняли, естественно, в детдоме. В так называемых комнатах для занятий, которые вполне могли бы именоваться классами.

Раньше было как? Поскольку Вера училась не просто легко, а очень легко, с лёту, то домашние задания она выполняла ровно столько времени, сколько требовалось на то, чтобы эти задания записать в тетрадь. А примерно через полчаса она открывала художественную книгу и наслаждалась чтением.

Выдра это обнаружила молниеносно. Книга была отнята, а Вере был устроен мгновенный экзамен по всем предметам, по которым на завтра предстояли уроки. Вера ответила, не затруднившись ни на одну секунду. Почему и получила милостивое позволение вернуться на своё место. Вернувшись, она тут же открыла книгу, по которой надлежало выучить отрывок на послезавтра. Понятно, что отрывок этот она давно знала, а потому продолжила читать дальше. Выдра злобно шипела, но повода отнять книгу не было.

Зато в тот же день она явилась с бригадой «инквизиторов», то бишь проверяльчиков чистоты и порядка в жилые комнаты и изъяла все книги из Вериной тумбочки. Когда та пришла после ужина в спальню и обнаружила зияющую пустоту вместо радующей глаз стопки книг, она только плечами пожала.

Назавтра она получила новый удар. В библиотеке ей было сообщено, что по требованию Выдры ей запрещено выдавать книги. За исключением учебников.

Вера задумалась всего на мгновение. Выйдя из библиотеки, она стала обращаться ко всем встреченным детдомовцам и просить каждого взять по книге в библиотеке. Для неё.

– Да хорошую выбирай!

– А как узнать, хорошая ли?

– А библиотекари на что?

Примерно через час в распоряжении Веры было больше десятка книг. Некоторые она тут же вернула, их она уже читала.

– Сходишь дня через три, поменяешь на другую.

– А если спросят содержание?

Вера в несколько предложений передавала содержание книги и напоследок внушительно добавляла:

– Да ты прочитай, книжка и правда хорошая!

А книги продолжали нести, поскольку Вера просила каждого прихватывать с собой в библиотеку ещё кого-то. Поскольку обычно в руки выдавали только по одной книге, то к вечеру у Веры оказались книги с, как минимум, одного библиотечного шкафа. Правда, хранились они не в Вериной тумбочке, а у соседей по спальне. К ним репрессии пока не применялись.

Обнаружив у Веры книгу, Выдрахватила её таким жестом, что книге грозила опасность рассыпаться.

– Где взяла?

– У друзей – почитать.

– У кого именно?

Вера отвернулась. Ещё не хватало имена называть. Ищи сама, коли интересно!

Каждый день Выдра таскалась в библиотеку с очередной отобранной у Веры книгой и заставляла библиотекарей искать, кому она была выдана. В первый раз ей помогли, поскольку

она заявила, что книгу обнаружила в саду на скамейке, а кто её забыл и кому вернуть – непонятно. Но стоило Выдре из библиотеки выйти, как набежали детдомовцы и объяснили, зачем именно Выдра устанавливала, кому эта книга выдана.

Все следующие приходы Выдры оказывались безрезультатными: старший библиотекарь предлагала книгу оставить в коробке утерянных книг, а тот, кому она была выдана, сам за ней явится. Или библиотекари проверяют формуляры в свободное время. Если оно у них будет. Потому что, видите же, очередь читателей стоит уже добрых полчаса... А у них ведь распорядок и если детям придётся уйти без книг...

Поняв, что ей объявили партизанскую войну, Выдра библиотекарей оставила в покое. Начала оставлять книги у себя, рассчитывая на то, что тот, кто эту книгу в библиотеке брал, придёт кланяться ей в ножки и просить вернуть книгу. Однако она ошиблась: не явился ни один человек. И хотя срок возврата был максимально в неделю, библиотекари временно отложили свою требовательность. Поскольку настаивать на соблюдении сроков возврата означало автоматический переход на сторону тирана. Так что с книгами не вышло.

Но на этом Выдра не успокоилась.

По субботам и воскресениям в актовом зале крутили кино: до ужина – для младших, а после него – для старших, от пятиклассников и выше. Все детдомовцы являлись туда как штык. Понятно, что и Вера кино не пропускала.

В эту субботу произошло неожиданное. Не успел кинофильм дойти до самых эффектных сцен, как в зале зажёгся свет. Фильм, понятно, остановился.

– Григорьева, выйди из зала, – визгливо проорала Выдра. – Ты лишена кино до конца учебного года.

– За что? – это спросила не Вера, а кто-то из задних рядов.

– Она знает!

– Не пошла в стукачи?

Выдра озверела:

– Фильм закончен. Для всех! Возвращайтесь все по своим местам, в классы или в спальни!

Честно говоря, Вера была сильно удивлена: о том разговоре с Выдрой она никому не рассказывала. Даже дяде Мите. Откуда народ узнал – сие тайна великая есть. Скорее всего, просто случайно услышали, поскольку Верино место для чтения помещалось в холле спального корпуса и было видимо и слышимо всеми присутствующими и проходящими мимо. Выдра же не позаботилась о громкости своего голоса.

Катя что-то мялась, не решаясь сообщить Вере какое-то известие, явно очень неприятное.

– Ну, говори, не тани!

Что-то очень серьёзное произошло, поскольку Катя, выпаливавшая в Веру все новости, узнанные за тот час, который они не виделись, молчала. И не просто молчала, а с опущенной головой.

– Что случилось?

Катя только мотнула головой: пойдём, мол.

Вера, механически сунув книгу в специально для них пришитый большой карман, пошла. Никогда раньше, кроме самых глобальных катастроф, Катя Веру от чтения не отрывала больше чем на пять минут. Выпаливала новости и опять убегала: она была девочка компанейская и большая балаболка: где бы не собрались компания, там в центре непременно была Катя.

Нина была в детдоме личностью известной. Практически даже более известной, чем директор Ростислав Романович, которому народ присвоил сокращённое имечко РОР.

Нину обуяла идея найти мать. Или любого родственника, который рассказал бы ей о родителях. Она даже не подозревала, что мать её, что называется, принесла в подоле в неполных семнадцать, а потому и бросила прямо в роддоме. Правда, это не избавило несостоявшуюся родительницу от того, что отец с матерью в один голос навеки изгнали её из дома и велели навсегда о них забыть. Поэтому имя своё Нина получила не от матери, а от медсестры, которая выписывала на неё документы для отправки в Дом малютки: имя медсестра младенцу дала своё, фамилию – по дню выписки документов. А впоследствии, достигнув определённого возраста, Нина была отправлена из Дома малютки уже в детдом.

Всё, что доступно предпринять для розыска человека ребёнку тринадцати лет, у которого нет денег даже на конверт с маркой, Нина предприняла.

Начала она, естественно, с директора детдома. Явившись к РОРу в кабинет, она огоршила его настоятельной просьбой сообщить ей данные о матери и обо всех других родственниках, если такие сведения в её деле имеются.

РОР своих подопечных любил, а потому чуть не открыл папку и чуть данные не сообщил. Но вовремя спохватился и отправил Нину восвояси, предварительно расспросив её о том, зачем ей такие сведения. И долго казнил себя за то, что чуть не выболтал Нинке настоящую фамилию матери, но потом вынужден был солгать, что у матери – такая же, как у неё самой. Была, по крайней мере, раньше. Хотя, на самом деле, фамилия была совсем другая, но и изначальную, девичью, она давно сменила в связи с замужеством.

В тот же день директор написал подробное письмо о намерениях Нины, которое отправил на адрес, где, если верить данным папки, жила мать Нины. Ответ пришёл практически мгновенно.

«Никогда! – потребовала мать Нины, – не сообщайте ей обо мне никаких сведений! У меня семья, дети, хорошо отлаженная жизнь и Нина, от которой я сразу отказалась, раз и навсегда, меня совершенно не интересует. Если она узнает обо мне хоть что-нибудь, я подам на Вас в суд!».

В итоге Ростислав Романович папку с делом Нины упрятал на самое дно секретного отделения сейфа, ключ от которого был только у него. И не просто упрятал, а запечатал в конверт, на котором написал страшные слова: «вскрывать только по разрешению ФСБ». Понятно, что эти слова он написал для потенциального взломщика, если тот какими-то неведомыми путями окажется в детдоме и, тем более, взломает сейф. Точнее, слова эти предназначались именно тому, кто случайно получит доступ к содержимому сейфа. А для того, кто когда-нибудь смелит его на директорском посту – своего будущего преемника – директор приготовил краткую, но убедительную речь. И был готов показать письмо Нинкиной матери. Так что и преемник продолжил бы хранить этот недобрый секрет вполне добровольно.

После первого, неожиданного, провала Нина изобрела другой метод. Поскольку детдом располагался в довольно крупном городке с весьма оживлённым транспортом, она взяла за привычку ходить на автобусный и железнодорожный вокзалы и раздавать всем путешествующим бумажки со своим адресом. И на словах просила проверить, не живёт ли в их городе, селе, деревне или посёлке женщина с такой-то фамилией и таким-то именем (они тоже были на этой бумажке записаны). Хотя имя Нинка называла своё, полагая, что мать носит такое же. Отчества матери Нина не знала. А если живёт, то, просила Нина, пусть ей напишут: она хочет найти мать, которая её, Нину, потеряла.

Люди вдумчиво кивали, обещали обязательно написать, некоторые действительно присылали письма с сообщением, что таковая не проживает, а если писали, что проживает, то по возрасту в матери Нине никак не подходит.

Но Нина, попавшая в детдом в возрасте четырёх лет, была уверена, что помнит, как назывался посёлок, в котором она жила до детдома. Она это действительно помнила, но только в посёлке том находился как раз Дом малютки, а не материнский дом.

И Нина всё время убегала, пытаясь до того посёлка добраться. Она была уверена, что родительский дом стоит на том же месте, что мама там продолжает жить и очень хотела поговорить с ней, спросить, почему она отдала её, Нинку, в детский дом. Причём при любом ответе была согласна и дальше жить в детдоме, но чтобы было известно, что мама есть, знает о ней. О «любит её» Нинка даже в мыслях самой себе не заикалась. Потому что если бы любила, отдала бы разве?..

Её, естественно, немедленно ловили, в первом же автобусе, поскольку казарменная одежда не давала повода усомниться, откуда Нина. Денег на билет у неё, конечно, не было, так что кондуктор немедленно брал её за руку и сдавал станционному полицейскому. А тот, в свою очередь, препровождал обратно в детдом.

Количество наказаний, сыпавшихся на Нину, было неисчислимым. Всё, чем только можно наказать детдомовца, было к ней применено. Начиная с карцера и вплоть до лишения обеда или ужина. А уж о прочих скудных радостях, доступных этим казарменным детям, и говорить не приходится. Например, ей, когда приходил срок менять одежду с приходом нового климатического сезона, выдавали не её же прежнее пальто или платье, а старое. Такое, которое уже валялось в куче, подготовленной ко списанию. Выискивалось самое негодящее, но без дыр, по крайней мере, сильно заметных, и выдавалось «преступнице».

Носить самую плохую одежду было стыдно. Нина в ней не мёрзла, но выглядела ужасно. А делалось это для того, чтобы остановить очередную попытку побега, а буде таковая всё же случится – уменьшить её шансы убежать далеко.

Впрочем, однажды ей удалось добраться даже до областного центра. Проникнув в нехитрый замысел с плохой одеждой, она уговорила, честно рассказав всё, одноклассницу, домашнячку (то есть девочку из нормальной семьи, жившую дома, с родителями) дать ей на время свою одежду, чтобы удалось доехать до матери. А также выпросила у неё рубль на дорогу. И ведь доехала. Но уже там, в Дубово, при попытке Нины выяснить, как ей доехать до посёлка, в котором, как она считала, жила раньше, её точно так же сдали в полицию. И вернули назад.

Каждый раз Нину (как и других неудачливых беглецов), после разборов в директорском кабинете, друзья вели к шеф-повару дяде Мите. Он беглянку кормил самым вкусным, что находилось в его закромах. И, самое главное, никогда ни о чём не расспрашивал. А что тут спрашивать? Неудача. Вот и весь сказ. Дядя Митя много раз пытался с детдомовцами договориться, чтобы они, когда будут собираться в побег, приходили к нему и получали еды на дорогу. Они вроде соглашались, благодарили, но никто, конечно, не заходил. Дядя Митя обижался.

– Ну, дядь Мить, – сказала ему однажды Вера, – ты прямо как ребёнок несмышлёный! Вот поймали Нину, первым делом спросят, что ела. Где еду эту взяла. А она же врать патологически не способна. Она и скажет, что ты дал. И тебя уволят. А как же мы тут без тебя-то?

– Ещё, может, не уволят? – усомнился повар.

– А если уволят? Тут девять из десяти, что да. А мы как потом?

Детдомовцы всерьёз подозревали, что он тратит на них свою зарплату. Потому что только дядя Митя приходил на работу с полной сумкой, а уходил с пустой. Все остальные – наоборот.

И он пёк по субботним вечерам совершенно восхитительные булочки, чтобы в воскресенье их порадовать. И отказывался от получения заводского хлеба, а пёк его сам на весь детдом. Это был умопомрачительный вкусноты хлеб. Такой вкусноты, что дяде Мите приходилось закладывать лишние противни, чтобы и все вольнонаёмные работники могли унести домой по буханке каждый день. Причём добился, чтобы это было законно, чтобы они брали этот хлеб официально, а потом у них бы вычитали из зарплаты. На муку высшего качества.

Наверное, никто из ребят, помнящих вкус этого хлеба, похлебавших дядямиными щей и пробовавших его булочки, никогда в жизни этого человека не забудет.

Веру отвлекла та же Катя, толкнув локтём в ребро. Они стояли перед группой сильно встревоженных обитателей детдома, причём наличествовали не только детдомовцы в почти полном составе, а также все воспы, но и сам директор.

– Что случилось?

– Ты в лес с нами пойдёшь?

– Зачем?

– Там же Нинка.

– А что с ней?

– Так повесилась же!

Вера остолбенела:

– Но почему?

– Письмо получила от матери. Никогда и ни за что, знать тебя не знаю и знать не хочу.

Получилось, что Нина мать нашла-таки. Лучше бы не нашла.

Физику Вера любила. И математику во всех её видах. Соответственно хорошо относилась и к преподавателям. А к химии почему-то была равнодушна. Не увлекали её опыты. Правда, формулы, особенно сложные, нравились своей архитектурой. Но и только.

Физик был молодой, только что после вуза. Это была его первая работа. Юрий Юрьевич явно стеснялся своей молодости, а потому тон с ними держал заливчатски-саркастический.

– Ну, орлы и орлицы, признавайтесь, кто домашние работы не осилил? Спрашивать не буду. Вам двойки ни к чему, как и мне ни к чему проблемы с вашими двойками. Тройку за четверть выведу всем. Я же понимаю, что не у всех есть талант именно к физике!

Некоторые поднимались молча, физик записывал их фамилии на бумажке, которую в конце урока рвал на мельчайшие части и «дарил» дежурному для выброса в мусор.

– А с остальными давайте начнём.

И он начинал: самые, казалось бы, скучнейшие или архисложные с виду теории и законы о материи и полях он преподносил так, что это было лучше всяких сказок, баллад и театров в одном лице. Вера прикинула к его голосу, следила за мелом в его руке, пристально всматривалась во всё, что он им демонстрировал в качестве подтверждения только что рассказанного нового материала и искренне восхищалась: она любила людей, которые любят то, что делают.

Один из уроков физик провёл столь блистательно, что Вера невольно обронила после занятий:

– Да он просто дядя Митя! – и это была высшая похвала! Дядя Митя был вообще самым лучшим, эталоном для всего и всех. И не потому, что кормил их. А потому, что он был старый, умный и добрый.

ЮЮ же был молод, но даже в братья его взять Вере не хотелось. Некоторые девчонки в него влюблялись со страшной силой, особенно из старших классов, но Веру его мужское обаяние оставило абсолютно равнодушной. Не её романа это был герой.

Он был хорош именно как преподаватель физики. Нет, он, вероятнее всего, и человеком был неплохим, но сблизиться с ним Вере не хотелось вовсе. Как и с, например, математиком. Это был седовласый мужчина совершенно невзрачной внешности, но о математике он «пел» так же увлечённо, как и ЮЮ о физике.

Не все воспринимали математику с лёта, как Вера, и вокруг Николая Андреевича всегда толпились школяры, особенно детдомовцы, которых какое-то задание поставило в тупик. Нет,

они, конечно, осилили бы это каверзное задание, если бы слегка поднапрягли мозги, но тут, вероятнее всего, исподволь сказывалась загнанная в глубины потребность в отце и дедушке.

У Веры такой потребности не было никогда: она отлично помнила своего отца.

Он умер. Умер слишком рано, когда Вере не было ещё и пяти. И Вера оказалась сиротой, поскольку мать ещё раньше погибла в аварии автобуса. Поскольку содержать её было некому, её решили досрочно отдать в школу, а потому она и оказалась в детдоме. Нет, родственники были, и довольно много, просто они оказались не готовы кормить ещё один рот. Да дело даже не в этом, а в том, что Вера была девочка тихая, молчаливая и суровая. И всегда читала.

Но хуже всего было то, что ей словно никто не был нужен. Никогда, практически с пелёнок, она не тянулась ни к кому, включая мать, за лаской, за разговорами, никогда не высказывала никаких просьб. Такая малявка, ещё практически под стол пешком ходит, а того же мороженого не попросила ни разу. Ни у кого. Никаких игрушек не принимала. Кукол просто ненавидела. Но и мальчишеские игры ей были мало интересны. Единственное, что её всегда интересовало – книги.

– Зачитаешься, дура будешь помешанная, – как-то в сердцах бросила одна родственница, приехавшая однажды в гости, когда ещё были живы оба родителя. Вера только плечами пожала.

Если такими словами искать путь к Вериному сердцу, то это, конечно, самый верный путь. Уткнуться в пудовый замок, ключ от которого выброшен в морские глубины.

Вера помнила отца. Отлично помнила! Она вообще была с самого детства гениальным ребёнком – уже в три года читала книжки, которые советуют читать после пяти. Разговаривала с отцом практически на равных. Ей, по крайней мере, так казалось. И не только она у него была любимицей, но и он у неё. Словно она знала, что это очень быстро закончится. Инфаркт – и нет отца.

У тех родственников, которые могли бы взять Веру в свою семью, хватало проблем и без Веры. Если бы она ещё хоть помогала. Но Веру интересовали только книги. То есть не так. Если ей поручали выполнить то или это, она тщательно и быстро это выполняла и уходила с книгой куда-нибудь. Так что в детдоме ей было самое место – совершенно бесполезное существо в хозяйстве.

Скучала ли она по матери? Практически нет. Вся её любовь была раз и навсегда отдана отцу. На мать любви не хватило.

Замены отцу Веры не искала никогда: преглупейшее занятие. Второго такого всё равно больше не планете нет.

Да и незачем было искать: Вера словно постоянно видела его рядом с собой. Точнее, знала, что он всегда рядом. Что охраняет, защищает, подсказывает, как поступить в той или иной ситуации.

Она помнила, как он одевался: всегда аккуратный, подтянутый, всегда тщательно выбритый, хотя при его профессии участкового врача, уходившего на рассвете и возвращавшегося часто к ночи, это было непросто. Но ведь он мог! А потому и Вера всегда очень следила за собственной одеждой. Она научилась гладить без утюга, всегда носила при себе иголки с черной с белой нитками, несколько булавок, а также две пуговицы и маленький ножичек. Который ей подарил как-то дядя Митя. В ответ на вопрос, что она хотела бы в подарок ко дню рождения.

– Ножичек. Самый маленький, какой только можно найти.

– Зачем тебе ножичек?

– Ну как же, постоянно приходится что-то шить, нужно отрезать нитки, нужно карандаши точить, да много всякого. И им можно играть. А ещё можно дудочку вырезать. Я умею!

И дядя Митя нашёл ей такой маленький ножичек и подарил. Это был почти такой же дорогой подарок, как и книга.

Его, ножичек, давно бы у Веры воспы отняли. Но о его существовании знали только дядя Митя и она сама. Жизнь такая штука, что даже самые близкие люди иногда предают. Иногда

поневоле, проговорившись, иногда под давлением кого-то более сильного, иногда просто ради того, чтобы похвастаться осведомлённостью. Или в горячке спора. Или под нравственными пытками. Зачем искушать-то? Вот Вера и молчала. Носила ножичек в специальном узком карманчике, вшитом на груди платья, с изнанки. А сверху нашла другой карман, в котором всегда носила что-то нужное, карандаши, например. Так что когда ей велели показать, что у неё в карманах, она спокойно вытаскивала всё и предъявляла. Никакого криминала в её карманах, которые могли обыскать в любую минуту, не было никогда.

Но, казалось Вере, если бы даже она отца не помнила и даже вовсе не знала, то и тогда она не стала бы его искать. Ни отца, ни мать, ни каких бы то ни было родственников. Зачем? Взрослые люди отказались от ребёнка, понимая, что он никому, кроме них, не нужен. И не будет нужен в ближайшие пару десятилетий. Бросили этого ребёнка в так называемые мифические руки государства. Которое, конечно же, пропасть не даст, оденет, накормит и выучит, худо-бедно...

Это родители должны бы своего ребёнка искать, а коль не ищут, что их тревожить понапрасну? Живут себе и пусть живут. Других уже, небось, детей нарожали, а про Нинок своих забыли давно и намертво.

Как-то в конце урока математики, когда ученики привычно столпились возле Николая Андреевича, засыпая его вопросами и просьбами не спрашивать на следующем уроке, Вера вдруг обнаружила, что на неё пристально глядит Валерий. Сидел он на противоположной от Веры стороне: она – в ряду у окна, он – у стены со стороны входа. Причём она сидела на третьей парте, а он на «камчатке», так что пересекались они крайне редко. И вдруг!

Вера отреагировала спокойно: решила, что у него к ней какая-то просьба. Скорее всего, сочинение написать. Она глазами спросила, зачем он смотрит. Валерий вдруг смутился и отвёл взгляд. Странно!

На обратном пути она решила спросить у всегда всё знающей Кати, что бы это значило.

– Да ты что, совсем малахольная?!! Да он влюблён в тебя давным-давно! Весь класс знает!

– Влюблён? С чего это вдруг?

– Ну, это ты у него спроси. Сама-то ты к нему как?

– Да никак. Равнодушна. Я, если на глаза не попадается, и не вспоминаю о нём никогда.

Да и вообще ни о ком.

– Жди теперь атаки.

– Атаки? Ну, лучше бы ему силы побережь для более подходящей жертвы.

– Ой, не зарекайся!

– Вот ещё, зарекайся. Даже и не подумаю. Просто это не моё, вот поэтому он обречён на проигрыш.

– Только он?

– Все. Пока для меня все одинаковы, они могут спокойно заниматься своими делами.

– А если не все окажутся одинаковыми, что тогда?

– Откуда я знаю? Погляжу, как оно будет.

– Мне расскажи обязательно!

– Куда же без тебя!

Следующая неделя оказалась чрезвычайно трудной.

Во-первых, хоронили Нину. В закрытом гробу. Кто так решил – неизвестно, но Вера была согласна с этим решением: лучше помнить её живой. Хотя и забыть её такую, какой увидели в тот день в лесу, тоже вряд ли удастся.

Во-вторых, Вера обнаружила, что Выдра приставила к ней соглядатая. Шпиона. Куда бы Вера не пошла и чем не занималась бы, за ней неперменной тенью следовала Серафима. Она была из старшего, восьмого класса. Вера, кроме этого её волшебного имени, о ней не знала ничего. Сима была слишком невзрачной, чтобы оказаться для Веры интересным собеседником. Тем более, что самый лучший собеседник – книга – у Веры уже был.

Немного подумав, вечером, в спальне, она попросила Катю сходить к дяде Мите и сказать ему, что происходит.

– Я не хочу приходить к нему и притаскивать туда Симу. Для меня это как осквернение святыни... Но ему ты эту фразу не передавай. А когда это закончится, я обязательно приду и мы с ним чайку попьем.

Оказалось, что это чрезвычайно изматывает, когда за тобой постоянно следят, причём нагло, в открытую. Вера благодарила Бога, что уродилась такой молчаливой и так трудно принимающей людей. Если бы у неё было друзей не двое, а двадцать, то и за всеми бы установили слежку? А что она дружит с Катей и Славиком, было известно всем.

Славик, то есть Вячеслав, был таким же бросом, как и покойная Нина. Но он, в отличие от Нины, никого не искал и не собирался. А если и собирался, то только тогда, когда вырастет и достигнет уровня три «Д»: дом, диплом, деньги. Если (и когда) ему удастся всего этого достичь, то лет ему будет, вероятнее, в два раза больше, чем сейчас. Тогда и только тогда он, возможно, что-нибудь и предпримет, чтобы узнать хоть что-то о своих родственниках. А, может быть, и не предпримет.

Так что неприятности разгребаем по мере их поступления.

– Тебе помощь не нужна? – спросил он, узнав о Симе.

– Да нет. Смысла избавляться от слежки не вижу. Уйдёт Сима, появится кто-то ещё. А так она уже привыкла к тому, какая я, где бываю, с кем разговариваю (а разговариваю я, сам знаешь, в основном с книгой, да с тобой, да с Катей). К дяде Мите я временно ходить не буду, не хочу её туда тащить. А остальное – пусть смотрит.

Славик почесал в затылке.

Ситуация странная. Более того, уникальная: никогда и никто ни за кем из детдомовцев раньше слежки не вёл. Если и шпионили, так по собственному интересу или интриге. Но чтобы воспы так откровенно приставляли шпика?!!

– Да ну её, – сказала Вера, имея в виду, конечно же, Выдру. – Что же мне, директору на неё жаловаться? А ты полагаешь, что это выдрина самодеятельность? Зачем ей проблемы? Так что жаловаться пособнику палача на самого палача смешно, по крайней мере!

– Но ведь РОП может быть просто не в курсе!

– Да? Тогда он плохой директор.

– Он хороший. Сама знаешь.

Вера пожала плечами: хороший то хороший, да до каких пределов эта хорошесть простирается?

– Чем же это закончится, а?

– Слежка-то? Да ничем. Пока воспа не изобретёт ещё какой-нибудь методы меня уесть.

Видимо, изобрести не удавалось, потому что Выдра вдруг отправила Веру на поломойные работы.

– Ты сделала все домашние задания? – спросила она.

– Да.

– Тогда пошли со мной.

Но оставить группу без присмотра она себе позволить не могла, а потому вместо себя Выдра предусмотрительно оставила другую воспу, у которой, видимо, этот день был выходным.

Выдра привела Веру на третий этаж жилого корпуса и велела:

– Мой коридор.

- Но я не дежурная и это не мой этаж.
- Не волнуйся, все этажи будут твоими.
- Но чем?
- В туалете возьми.

Вера взяла, промыла весь коридор, причем, по привычке, сделала всё тщательно. Тем более, что Выдра наблюдала за её усилиями, отступя примерно шагов на пять: чтобы не оказаться случайно обрызганной, но чтобы ни одного движения Веры не упустить. Воду, по указаниям Выдры, Вера меняла каждые пять метров.

Когда она таким манером помыла все четыре этажа, Выдра высокомерно и зло сказала ей:

- Пока не согласишься, будешь мыть коридоры. А на чтение у тебя времени не останется. Помолчав, Вера тихо спросила:
- А Вы знаете, что сирот защищает Матерь Божия?
- Какая ещё Матерь?!?
- Узнаете, Какая!
- Ты мне угрожаешь?
- Нет. Просто информирую.

Выдра задыхнулась, и, возможно, именно потому не нашлась с ответом.

- Я могу идти?
- Иди.

Назавтра состоялся бунт уборщицы тёти Маши. Ей было удобно прибежать посреди дня, на скорую руку помыть четыре этажа и получать ощутимую прибавку к пенсии. Прибегала она как раз в то время, когда детдомовцы сидели по залам и выполняли домашние задания. В это время она мыла коридоры. Потом детвора шла на ужин, а тётя Маша быстренько мыла классы.

- Вы меня что, уволили?

Ростислав Романович ошалело вытаращился на тётю Машу.

- Нет, конечно. А что?

– А кто помыл вчера коридоры? Я даром денег получать не хочу. Выживаете меня? Так я в районо с жалобой пойду!

Тётя Маша не знала и не ведала, что этим бунтом своим спасла Веру от настоящей каторги. Потому что девчонке тринадцати лет таскать вёдра и мыть такие площади каждый день гарантировало слом психики и физического здоровья.

Богородица помогла практически мгновенно.

Вмешался в ситуацию директор. Оказалось, не давал он приказа и даже позволения Веру травить. Это Выдра решила, что до детдомовцев никому дела нет и заступиться за них некому. Она, недавно оказавшись в числе восп и не собираясь тут задерживаться, была уверена, что эти бросы оказались в её полной власти. В такой власти, какой не имели над своими рабами даже рабовладельцы.

Но она ошиблась. Ей пришлось предстать пред ясны очи директора и отвечать ему на очень неудобные вопросы. А поскольку РОР был человек умный и правильно мыслящий, то сделать выводы о намерениях Выдры для него труда не составило.

А она эти планы скрыть не сумела. То, что Выдра измыслила ещё более коварные и злобные планы навредить Вере, неизбежно выплывало из неизбежных ответов на грамотно заданные вопросы. Так что убрать её из детдома – хотя бы на время – было единственным верным способом Веру (да и других) защитить.

Директор предположил, что больше пяти дней Выдра от травли не удержится, а за это время придётся организовать какой-либо законный способ её удалить: отправить на курсы, дожидаться пока заболит она или кто-то из членов её семьи, послать в командировку...

Но сработал закон бумеранга. Буквально через неделю после бунта тётя Маши, благодаря которому мыть полы она Веру уже не заставляла, муж Выдры попал в страшную дорожную

аварию. Теперь она разрывалась между работой и больницей. А когда его выписали, ей сначала пришлось взять больничный по уходу, а потом и отпуск. А ещё через полгода она тихо исчезла совсем.

С трудом поверив, что тирания Выдры закончилась, Вера смогла, наконец, пойти к дяде Мите. Убедившись, что Сима больше не ходит за ней по пятам, она выбрала время, когда там не должно было быть особо много посетителей: сразу после ужина, когда работники не столько старательно, сколько торопливо, заканчивают все дела, чтобы разбежаться по домам, а детвора уже поужинала и с дядей Митей наобщалась. Сам он, как обычно по вечерам, планирует завтрашнее меню, проверяет свои закрома и составляет список: что имеется в наличии, а что ему предстоит прихватить завтра частью из собственной кладовки, частью – с небольшого рыночка, который открывался в несусветную рань – в шесть утра. И дядя Митя как раз успевал приготовить завтрак.

Увидев Веру, которая тихо стояла на пороге кухни, не решаясь оторвать его от хлопот, дядя Митя просто подошёл и обнял её. Как обнял бы собственную внучку, которую слишком сильно наказали родители за мелкую провинность. Провёл рукой по её волосам и отпустил.

– Компоту хочешь? Вишнёвого!

Вера кивнула.

– А у меня и плюшки есть. Будешь?

– Твои-то? Ты полагаешь, что я такая аскетка, чтобы от них отказаться? Даже не рассчитывай, что откажусь!

По лицу дяди Мити промелькнуло нечто похожее на довольную улыбку и он метнулся к кухонным шкафам.

«Повезло же кому-то с таким дедом! – с лёгкой завистью подумала Вера. – Человек с таким характером и с такими привычками вряд ли хуже относится к собственным внукам, чем к ним, совершенно чужим, безхозным и ненужным».

– Скучала без плюшек?

– А то!

Больше дядя Митя не спросил ничего: благородный человек! Ибо что он мог спросить: паршиво ли ей пришлось? Это и без вопросов было очевидно. Утешать её? Незачем. Это был урок жизни и Вера его твёрдо усвоила. Устала, да. Всяко устала. Особенно психологически. Отдышаться ей нужно помочь, в добре отдышаться, только и всего. А если захочет потом поговорить, так у дяди Мити времени сколько хочешь и желания выслушивать рассказы подопечных – не меньше. Понадобится совет, дядя Митя его даст. Единственно верный совет. Не из собственного опыта, так по выводам из разных, бывших за сорок лет его тут служения, случаев с детдомовцами, которых он кормил.

Но Вера редко просила советов, она и так была умная девочка. Но вот именно, что девочка. В таком возрасте ребёнку всегда нужен нормальный взрослый – просто как доказательство, что не все они выдры.

Ей надо бы спросить у него, не встречались ли ему похожие особы, но если даже и встречались, что он мог бы сказать о том, почему люди становятся выдрами? Что их побуждает травить более слабых и почему, чем слабее их жертва, тем жесточе будет травля?

Конечно, Вера словно бы сама напросилась: своей нестандартностью в учреждении, где всем положено, вроде бы, одинаковыми и стандартными. Но до сих пор эту Верину неформатность принимали как данность и никому в голову не приходило её даже за это укорять.

Ну, склонен человек к уединению и молчанию, ну предпочитает всем на свете прочим занятиям чтение, ну сходится трудно даже с очень хорошо знакомыми людьми – это ведь

не преступление. Таким этого человека создали папа с мамой. Гены, пресловутые гены сложились в такую именно конструкцию. Это просто реальный факт и его просто следует признать. А лупить кувалдой по конструкции, которую ты не можешь установить на именно ту грань, которая удобна только тебе, неграмотно: конструкция от этого просто разрушится и в ней вообще не останется грани, на которую её в принципе можно было бы поставить. Или трансформируется в другую конструкцию, функции которой могут оказаться опасными.

Для Кати, которая училась ровно, но без особого интереса, куда более притягательными, чем уроки, были события из жизни окружающих. Она знала всегда всё и обо всех. О Вере – тем более: они не только сидели за одной партой, но и в спальне кровати их стояли рядом. Лучшего шпиона за Верой, наверное, трудно было бы отыскать, если бы Катя была склонна к доносам. Но, при всех прочих достоинствах и изъянах любого детдомовца, болезнь ябедничества, стукачества была самым позорным, что только могло случиться с человеком.

Взять ту же Серафиму, которую в своё время Выдра заставила открыто шпионить. Видимо, был у Симы какой-то изъян, за который, как за крючок вытаскивают рыбу, вытащила её Выдра на этот вселенский позор. Если были у Симы раньше друзья – их не стало. Если было хорошее отношение работников, включая учителей – оно закончилось...

Впрочем, что для Выдры значило чьё-либо будущее, в том числе и Симино? Для неё детдомовцы были отбросами человечества, рождёнными такими же отбросами.

Кате не раз и не два пришлось стоять под градом вопросов Выдры, но единственным ответом на все вопросы было:

- Я не знаю.
- Как ты можешь не знать, если почти всё время рядом с ней?
- У меня свои дела.

Выдра не скупилась на угрозы, посулы и наказания, но взять на испуг детдомовца удаётся крайне редко. Практически никогда. Причём даже если пытаются узнать что-либо даже о практически незнакомом, а если и знакомом, то так, вприглядку, издали, детдомовец на всякий случай промолчит. Чтобы в другой раз промолчали о нём.

Это была не только принадлежность к касте изгоев. Это было и своеобразное благородство, верность: своих не сдавать!

Конечно, не все даже воспы, не говоря уж о преподавателях, были выдрами. Но и они, коснись вопрос какой-либо проблемы или конфликта, на стороне ли своих или же детдомовцев, окажутся?

Да и, разве они понимают, каково это, не иметь в этом мире никого, кто бы озаботился забрать тебя хотя бы на длинные летние каникулы в нормальный дом? А уж на более короткие, зимние, изредка уезжали куда-либо лишь несколько человек.

Впрочем, до лета было далеко, пока на дворе стояла поздняя зима, на грани зимы, осень, на удивление тёплая. Вера много гуляла, но никогда больше не ходила в тот лес, где сделала последний вдох воздуха Нина. Да и другие тоже обходили лесок этой стороной.

Но Нину помнили. Помнили все вместе и каждый в отдельности. Косвенным тому доказательством было то, что все, полностью, разом, не сговариваясь, прекратили поиски родственников, которых пытались найти, по примеру Нины, некоторые детдомовцы. Нарваться тоже на получение письма с последним и решительным отказом признать тебя за человека? И, тем более, родного человека?

Вера, и до последних грустных событий, не бывшая особенно весёлой и общительной, замолчала практически совсем. Общалась она, кроме дяди Мити, только со Славиком да с Катей. Но и тут общение сводилось к выслушиванию другой стороны да к коротким ответам.

Ей надо было это внутри себя перемолоть. Эту боль перемолоть в тончайшую муку и развеять по самому сильному ветру. Но пока не удавалось.

Катя решила её встряхнуть.

– А тебя Валера ищет.

– Зачем?

– У него спроси.

– Мне неинтересно.

– Ты даёшь! В неё влюблены до потери пульса, а ей неинтересно.

Вера только плечами пожала. Ей действительно не было дела до чужих любовей, страданий, рыданий и прочих страстей. Со своими бы страстями управиться.

– Слушай, так нечестно, – возмутилась Катя, – ты просто права не имеешь на него никакого внимания не обращать!

– Мне можно.

– Это ещё почему?

– Потому что я это я.

– А что такое ты?!!

– Мне не до любовей, интрижек и не до прочих забав. У меня серьёзные проблемы. Мне нужно понять, откуда берутся «выдры» и как от них защищаться.

– А как же Валера?

– Никак. Поизображает и бросит. Всякая игра требует зрителя. Не будет зрителей – игра закончится. Актёр устанет и пойдёт чем-нибудь путным займётся.

Видимо, разговор это Катя затеяла не по собственной инициативе, потому что после школы Валера возник рядом с Верой:

– Поговорить надо.

– Говори.

– Что я тебе сделал?

– Ничего. Мне просто не до тебя.

– А был бы кто-то другой?

– Да мне до всего мира дела нет.

– Понятно.

Пока они так стояли напротив друг друга, Катя поневоле смотрела ему в лицо. Но она умела смотреть сквозь – сквозь кого угодно и видеть всё, что душа пожелает – не теряя при этом нити разговора.

– Эх, была б ты парнем, я бы тебе врезал.

– А и так можно. Врезай.

Он повернулся и пошёл куда-то в сторону, по уходящей налево улице, хотя к детдому было прямо.

Вера не стала его останавливать: пусть с самим собой побудет немного. Глупости затеял, пора излечиваться.

Катя так и не появилась рядом, как обычно, через пять минут: то ли не предугадала, что разговор будет таким коротким, то ли боялась Вериных укоров. Но укорять ведь было бы напрасно: Катя ведь хотела как лучше. В её понимании лучше.

Вера же шла и удивлялась, вспоминая Валеркины глаза: поначалу серые, с мелкими серыми же, но чуть потемнее, точками, она вдруг набирали цвет почти мгновенно и становились синими, как летнее небо. И тут же, мгновенно, превращались во множество точек цвета стали, не становящихся единым целым, а так точками и остающихся...

«Немка» Фрида Генриховна всегда здоровалась с учениками по-немецки. Отвечали все дружно. Но что Фрида говорила по-немецки дальше, понимали, а тем более – отвечать ей так же, по-немецки – могли считанные единицы. Вера входила в число избранных, свободно изъяснявшихся на немецком языке.

Сегодня «немка» повела себя странно: не стала проверять по списку присутствующих, не стала вызывать к доске с домашними заданиями. А прямо обратилась к Вере:

– К доске!

Удивлённая до шока Вера вышла.

Немка заговорила по-немецки и настолько быстро, чтобы и те немногие, кто на слух воспринимал немецкую речь, лишились шанса её понять.

– К тебе скоро приедут люди, вполне возможно, что знакомые, а может быть и вовсе незнакомые. Они предложат тебе сделку. Откажись сразу же и не раздумывая.

– Gut, – ответила Вера, не задавая никаких вопросов.

– Эта сделка, – торопливо продолжала Фрида Генриховна, – через несколько лет обеспечит твоё будущее. А они хотят тебя этого обеспечения лишить. Откажись, обещаю мне!

– Хорошо, – повторила Вера.

– Я тебе добра желаю. Ты ещё маленькая и не понимаешь опасности! —немка продолжала торопливо трещать по-немецки, заставив класс замереть и начать прислушиваться.

Но почему Фрида была так настойчива? Что предстоит Вере узнать в ближайшем будущем? Откуда немка об этом будущем узнала, Вера даже не спросила: в учительской, скорее всего, что-то слышала. Это ведь только кажется, что школа – сама по себе, а детдом – сам по себе. Если со второго в первую и обратно шесть дней в неделю курсируют несколько десятков учеников, разделить эти два учреждения будет потруднее, нежели сиамских близнецов...

Это будущее наступило в тот же день, как только закончились уроки и детдомовцы вернулись, успев к обеду. Вере дообедать не дали, вызвали к директору.

– К тебе приехали, – сказал ей дежурный.

«Приехали? Кто это приехал? Сроду никто не приезжал, а тут вдруг приехали!» – Вера была сильно удивлена.

В кабинете Ростислава Романовича она увидела двух мрачных незнакомцев, лица которых сильно суетились, а глаза не желали встречаться с Вериными.

– Тут такое дело, Вера, – сказал директор. – Это адвокаты твоих родственников. У тебя есть несколько родственников по отцу, которых они представляют.

«Адвокаты? Ну-ну!!!»

Заговорил старший из визитёров:

– Дело в том, что твоя бабушка, мать твоего отца, недавно умерла. А перед смертью записала на тебя свой дом в станице – названия Вера не расслышала – Ростовской области. – Тут адвокат несколько запнулся, то ли обдумывая, как лучше выразиться, то ли оценивая Верин интеллект и характер. – Тебе этот дом совершенно не нужен, да тебе и не позволит никто в нём одной жить. По крайней мере, до совершеннолетия. А у твоего отца были братья и сёстры, которым бабушка не оставила в завещании ничего. Они будут судиться с тобой, если ты добровольно не откажешься принимать наследство.

«Вон оно что?!!».

– Твои родственники согласны выплатить тебе часть стоимости дома, если ты согласишься им его уступить. – Это второй адвокат, помоложе и лицом погаже, решил дополнить информацию.

– Я должна подумать. У меня адвоката ведь нет.

– Если будет суд, тебе его дадут прямо в суде.

– Тогда подождём суда.

Оба визитёра побледнели так, что, казалось, каждую минуту могли потерять сознание. И оба, отведя уклончивые взгляды от Веры, уставились на директора. Взгляды их были, видимо, такими многообещающими, что теперь побледнел РОР.

– Я могу идти? – спросила у директора Вера.

– Можешь, – каким-то шелестящим голосом ответил он.

Вера немедленно отправилась к дяде Мите: это был единственный взрослый, который мог толково не только оценить новость, но и подсказать Вере, что с этой новостью делать.

Впервые Вера увидела, как дядя Митя чешет в затылке в некоторой растерянности.

– А где эта станица?

– Я не знаю. В Ростовской области.

– Где мы, а где Ростов!

А пока дядя Митя раздумывал, то прибег к обычному способу потянуть время: даже не спросив согласия Веры, стал готовить угощение. И, пока наливал Вере чаю и подавал шанежки, всё-таки пришёл к выводу, что торопиться не стоит.

– Ты правильно ответила насчёт суда, – начал он, присев рядом. – Пусть их поволнуются. Я так полагаю, что пока ты не достигла совершеннолетия, то есть не стала юридически дееспособной – а это ещё целых пять лет – никакого суда не будет. Но юриста знакомого я попробую всё же порасспрашивать, как тебе в этой ситуации быть.

– Самое странное то, – решила уточнить Вера, – что отец никогда не упоминал ни о каких братьях или сёстрах. Ни разу. О родителях говорил, это я помню. И даже помню, как звали ту бабушку, которая подарила мне дом, Мария Фёдоровна, как звали дедушку – помню: Дмитрий Иванович, а ни о ком другом отец не вспоминал. Не странно ли?

– А почему отец твой жил так далеко от родителей?

– Получил распределение после института и женился там на матери. Она красавица была по молодости.

– Как ты?

– Я не красавица. Не уродина и только.

– Почему так думаешь?

– А я не в мать, я в отца лицом. Наверное, потому он меня так и любил, больше чем братьев и сестру.

– А у тебя тоже есть братья?

– Есть. Двое. И сестра. И куча родни по матери.

– Так что ты делаешь в детдоме?

– Живу я тут.

Дядя Митя промолчал. Знакомая история: лишний рот нигде не нужен. При том, что ещё неизвестно, что из этого лишнего рта вырастет и как он себя в будущем покажет.

Пока Вера допивала чай, а вернее, заканчивала прерванный вызовом ужин, дядя Митя всё думал о неожиданном Веринем наследстве. И, наконец, изрёк:

– Теперь к тебе гость повалит, по одному и группами. Причём с обеих сторон. Так что готовься к осаде.

– К осаде?

– А ты думаешь, только та, отцовская, сторона родни решила, что тебе рано дом-то иметь? Вторая решит точно так же. Как только узнает.

И, немного погодя, добавил:

– Ты вроде как самая младшая?

– Да.

– Тем более!

– Что тем более?

– Старше тебя – без домов, а ты – с домом. Непорядок! Не продумала что-то твоя бабушка.

– А я думаю – продумала. Видимо, была за отца, а не за тех, кто с ней остался.

– А почему он уехал?

– Официально – учиться поступил. А если подумать, то сам факт того, что он, кроме родителей, ни о ком не вспоминал, вроде бы объясняет, что не всё было ладно в датском королевстве.

Дядя Митя хмыкнул и кивнул согласно.

Завтра предстоял урок немецкого. Вера решила рассказать Фриде о визите адвокатов, о завещанном ей доме, об их странных угрозах. И спросить совета.

Ситуация заваривалась круче кипятка.

Не успела Фрида поздороваться, как Вера подняла руку. Фрида кивнула: вижу, мол, и Вера руку опустила. Фрида вызовет её к доске и они поговорят. А поскольку при всём честном народе, никто и не подумает, что обсуждается тайна.

Фрида Генриховна, как все эмоциональные и искренние люди, почти никогда не владела собственным лицом. Она и сейчас явно волновалась, выслушивая сведения, которые ей скороговоркой рассказывала, вместо урока, Вера.

Время от времени Фрида только восклицала «kann nicht sein, unglaublich» (не может быть, невероятно), хотя обрадовалась, узнав, что Вера теперь богатая наследница.

– Однако, у всего есть две стороны. Ты теперь в опасности. И самый верный способ избежать её – самой немедленно завещать этот дом кому-то ещё.

– Зачем?

– Чтобы тебя... – Фрида Генриховна с трудом протолкнула в горло последующие слова – не убили...

– Убили?! Кого?!?

– Те, кто хотел бы этот дом иметь. Кто считает, что он должен бы принадлежать ему. Или ей.

– Им придётся соревнование устроить, охотников, похоже, будет много! – Вера пыталась шутить.

– Не придётся. В любой группе кто-нибудь обязательно бежит быстрее остальных.

Остальное время урока Вера сидела, не слушая, что происходит в классе. Она думала. Вспоминала, что во многих книгах читала, как наследники обычно оказываются той мишенью, в которую целются и часто попадают все те, кто считает себя наследником более достойным. Или более нуждающимся. Особую ненависть к ней у претендентов на дом должен вызывать тот факт, что они о её, Веры, существовании, вовсе не подозревали. И даже не догадывались, что о ней отлично знает бабушка. Да не просто знает, а знает с точностью до почтового индекса города, где именно в данное время живёт её таинственная внучка. И, не исключено, знает, почему живёт именно тут.

Бабушка должна была знать наперечёт и всю родню с обеих сторон. Уж коли она не забыла своего сына, которого не видела многие годы, то должна была иметь о нём какие-то сведения. Она должна была многое знать из того, о чём в её окружении даже не догадывались.

Вера с огромной радостью отказалась бы от подаренного дома, если бы появился хотя бы минимальный шанс повидаться с бабушкой и пообщаться с ней. Теперь уж не увидится, конечно. Так пусть дом остаётся. Может, в доме том есть что-то, что расскажет Вере о бабушке, её мыслях и о том, что она знала, да не имела возможности Вере рассказать.

– Вера, а ты останься, – велела Фрида Генриховна после того, как сказала общее «до свидания», после которого все ушли из кабинета немецкого языка.

– Я хочу сказать тебе две вещи, – сказала Фрида. – Во-первых, если тебе понадобится друг, ты всегда можешь придти ко мне. Ты ведь знаешь, где я живу?

– Нет, не знаю.

Фрида продиктовала ей адрес.

– Не записывай, просто запомни. Там ещё на углу магазин тканей, а в соседнем доме хозяйственный. А в моём доме – арка.

Во-вторых, я попрошу мужа найти юриста по завещаниям в сфере недвижимости. Если хочешь, он всё узнает про завещанный тебе дом и про то, как тебе войти в права наследства.

– А мне не слишком мало для этого лет?

– Это он тоже выяснит.

– Спасибо.

– Иди. И будь осторожна.

– Спасибо. До свидания.

Вера не оглянулась, потому что знала, что у неё есть большой шанс расплакаться от внезапной доброты человека, на чью заботу у неё не было абсолютно никаких прав. Это ведь не дядя Митя, для которого детдомовцы практически вторая семья. Это просто учительница, для которой Вера ничем бы не должна отличаться от других детдомовцев с более сложными судьбами и характерами.

К дяде Мите вечером она не пошла. Ей надо было подумать. И она сидела на своём читальном месте, держала в руках книгу, но читалось ей плохо. Она думала: почему неизвестная, ни разу не виденная бабушка подарила ей этот дом, именно ей, а не кому-то другому, ведь было же кому. Почему при жизни ни разу не дала о себе знать, ни разу не приехала, даже письма ни одного не написала. Что там творится, в семье с отцовской стороны, что она таилась столько лет?

И Фрида Генриховна, и дядя Митя оказались просто провидцами. Гость пошёл косяками: поштучно, попарно, группами, ежедневно, всю неделю и весь месяц Веру то и дело вызывали к директору, поскольку к ней приехали гости. Правда, эти гости на Веру обращали внимания мало, вопросы у них были, преимущественно, к директору. Но каждый из незваных гостей окидывал Веру столь оценивающим взглядом, что она чувствовала себя преступницей, которой уже светил эшафот или костёр. Причём без права на помилование.

– Что же ты молчала, Григорьева, что у тебя такое огромное количество родственников? – полушутливо, полу-встревоженно попенял Вере Ростислав Романович.

– А я понятия не имела об этом, – вполне серьёзно ответила она. – Не подозревала даже.

– Теперь будешь знать. Это просто цыганский табор какой-то! Едут и едут: я уже со счёта сбился. И все хотят непременно с тобой познакомиться. Ты как, тоже хочешь знакомиться?

– Не очень, если честно. Отца уже скоро десять лет, как нет, но все эти годы что-то их моя участь не тревожила.

– Думаешь, дело в наследстве?

– Уверена. – И, колебавшись, добавила:

– Некоторые умные люди даже предупредили меня, что так и будет: объявится тьма родственников, которые начнут меня убеждать в своей жаркой любви. Чтобы я подарила дом им.

– Ты не обязана встречаться ни с кем. Не хочешь, скажи. И я буду отправлять их обратно прямо от ворот.

– Я не знаю, как правильно. Я только знаю, что не будь этого дома, они обо мне ещё сто лет не вспомнили бы. А то и двести.

– Очень на то похоже.

И, задумавшись, директор сказал решительно:

– Иди к себе. Нечего им тут делать!

Вера с облегчением поблагодарила его и ушла: РОР вполне мог отправлять всех не званых и неожиданных визитёров восвояси, поскольку номинально видаться с Верой было позволено лишь людям, указанным в её личном деле. То есть отцу, матери и братьям с сестрой. Но родителей уже не было, а братья и сестра сами были немногим старше Веры, жили в другом детдоме, в другом городе, путешествовать им в одиночку тоже не разрешалось, так что лелеять коварные замыслы по отъёму у нее наследства они могли вряд ли. Разве только материна сестра попробует. Хотя тоже сомнительно – у неё свой дом есть.

Отцова же родня должна была относиться к ней плохо. Настолько же плохо, как и к самому отцу. Вера подозревала, что отец так и не привозил к родным своей супруги, поскольку сам к родителям за неполных пять лет Вериной жизни не съездил ни разу. Да и раньше ездил вряд ли. А если и ездил, то ничего ни разу об этом не говорил.

Просто поразительно, сколько у Веры неожиданно-негаданно родственников объявилось. Повод вот только для этого массового их появления нехороший.

Как следовало бы поступить людям, узнавшим о существовании племянницы? Допустим, действительно они о Вере не знали. А узнали как раз и именно из-за завещания. Как поступила бы Вера? Она бы объединила этих родственников и отправила бы к новообретенной племяннице самых достойных, чтобы пригласить её в гости. Не с целью отъёма дома, а именно для восстановления родственных связей. Погостила бы она у них неделю, со всеми бы и пере-знакомилась. Ну, или с большинством. А ведь они едут в детдом не знакомиться, не родство возобновлять...

В подобном же русле, видимо, мыслил и директор. Из-за всей этой истории РОР вдруг обнаружил, что не столь формально, как он привык считать, относится к своим служебным обязанностям. Он вдруг догадался, что, кроме него, некому детдомовцев защищать от всяких «гостей» с нехорошими умыслами. А у него в этом плане есть огромные права и возможности. И он решил, что все эти свои права и возможности он реализует.

И не потому, что он как-то по-особенному относился именно к Вере. Он ко всем этим детям, не имевшим иного, кроме него самого, защитника и руководителя, оказывается, относился, как относился бы хороший генерал к своей армии. Он вдруг понял, что мало их одеть-обуть, накормить, в школу отправить и потом спать уложить. Они должны ещё быть уверенными в том, что вместо отца и матери у них есть он, директор. И воспитатели. Среди которых попадаются, конечно, разные, но в последнее время их штат был стабильным. А выдры уходили очень быстро. Но он надеялся два вакантных места заполнить хорошими людьми.

Назавтра он вызвал к себе помощника шеф-повара дяди Мити, то есть Дмитрия Николаевича, молодого и крепкого мужчину, и объяснил ему возникшую ситуацию.

– Не кажется ли Вам, Геннадий Сергеевич, что надо бы установить какой-то контроль за входом на территорию?

– Кажется. Уже давно кажется. И не мне одному! А сделать это легко. Оборудуем замками и ворота, и обе калитки. Ставим обыкновенный дверной звонок. Но звонить он будет в холле административного корпуса. А также пишем табличку, что посторонним вход воспрещён.

Кому действительно нужно войти – позвонит. А выходить на звонки будут старшеклассники – по два человека. Я подберу. Или я. Или дежурные воспитатели. Это нетрудно.

– Уж очень тут родственники повадились кое-кого навещать.

– Веру?

– Такое впечатление, что последним всё узнаю я.

– Не всё. Кое-что узнаете первым.

Директор грустно улыбнулся:

– И это обычно не самые радостные вести.

Помощник дяди Мити развил бешеную деятельность, ринувшись к слесарю, а вернее – на все руки мастеру, которого детдомовцы называли дядей Ваней, хотя в лицо величали Иваном Тимофеевичем. Вдвоем они за час навесили замки на калитки и ворота и провели звонок. Один из старшеклассников принёс вывеску, как раз когда довинчивался последний шуруп. Её повесили прямо над кнопкой звонка, так что не заметить было никак невозможно.

Но со всем этим можно было и не возиться. Потому что прямо завтра, когда детдомовцы возвращались из школы, к их группе подошёл незнакомый человек и окликнул Веру, пребывая в совершенной уверенности, что приехал именно к ней.

– Ты ужасно похожа на отца, прямо копия. А я его родной брат, а твой, значит, дядя. Дядя Павел. Есть ещё дядя Иван и тетя Мария. Но она живёт в Питере. А мы там, под Ростовом. Там, где у тебя теперь есть дом. Так что приезжай.

– А чего это вы все зачастили ко мне? Не знали, что ли, раньше о моём существовании.

– Знаю, что не поверишь, но не знали.

– А бабушка откуда знала?

– У неё теперь не спросишь. Но если подумать, то, видимо, отец твой с ней связи какие-то поддерживал. Но очень редко. А почему она нам не сказала – тайна для нас.

Вера промолчала. Наверное, были у бабушки причины для этого молчания. Весомые причины.

Дядя Павел, в отличие от предыдущих визитёров, ей понравился. Он был довольно сильно похож на отца. И если бы Вере довелось увидеть их рядом, она без всяких расспросов знала бы, что это брат отца. Может быть, что он и характером схож с отцом.

С ним бы она поговорила. Расспросила бы его о родне с отцовской стороны. О том, что там происходит сейчас и происходило раньше, из-за чего отец так отдалился от семьи и не желал возвращаться.

Дядя Павел не двигался и невольно стояла и Вера, хотя группа детдомовцев уже сделала несколько шагов по направлению к дому. Вера смотрела на дядю Павла и ждала, что он скажет.

– Может быть, стоит всё-таки поговорить. Когда-нибудь ведь всё равно придётся.

Вера согласилась.

– Но не на улице же нам разговаривать. Пойдём в детдом, где-нибудь устроимся.

И, конечно же, надо бы обратиться к директору, чтобы он знал о госте. Или сначала к дяде Мите пойти посоветоваться?

Когда они вошли на территорию, Вера всё-таки сначала пошла к РОРу и попросила позволения остаться дяде Павлу на некоторое время:

– Он прав, поговорить мне с ними когда-нибудь всё-таки придётся. И дело даже не в доме. А в том, что я ничего не знаю о родственниках со стороны отца. А хотела бы узнать. Доброе или плохое – но лучше знать. Не всю же жизнь мне от них бегать.

– Поговори.

– Можно, мы у дяди Мити чаю попьем? Гость всё-таки.

Директор только хмыкнул. Гость, как же!

Когда дядя Митя накрыл им стол, Вера попросила его присесть к ним и послушать, что будет говорить дядя Павел.

– Я, дядь Мить, хотела бы, чтобы ты мне потом разъяснил то, чего я, возможно, не пойму. Ладно?

Дядя Митя остался. И принялся старательно пить чай, давая понять, что третьим собеседником не будет, а только усердным слушателем.

– Вот что я тебе скажу, Вера, – начал Павел. – У нас в семье испокон веков принято безпрекословно слушаться старшего в роду. Отцом же нашим установлено было так, что каждый из детей сначала, после школы, где-нибудь учится, приобретает профессию. А потом женится или выходит замуж. А чтобы молодые жили в ладу и мире, им, пока учатся, строится отдельный дом и выделяется участок земли при новом доме. Ну, о «приданом» говорить не стану, и так понятно.

Отец же твой, после окончания медучилища, эту, так сказать, программу не принял, а настаивал на желании пойти в медицинститут – уж очень ему хотелось быть хирургом.

Все остальные выбрали такие профессии, что можно было высшее образование получить заочно. Но быть хирургом, понятно, заочно не выучишься. Так что нашла коса на камень: отец требует жениться, а потом хоть что хочешь делай, а отец твой отказывается брать жену, а хочет уехать на учёбу. Ну и уехал...

А дом-то ему отец уже выстроил. И невеста для отца у него уже была на примете. Из хорошей, уважаемой семьи. Кстати, именно этот дом тебе бабушка и отписала. Она сама в нём жила после смерти деда. А в родительском доме теперь я живу. У меня, кстати, двое сыновей, так что у тебя, следовательно, два двоюродных брата. Да и не только два. У Ивана – сын да дочь, да у Марии – две дочери и сын.

Это получается, что у Веры полным-полно двоюродных, а возможно, и троюродных братьев-сестёр, а они друг о друге ведать не ведают? Не странно ли всё это?

Дядя Павел продолжил:

– Дед отца твоего так и не простил, не хотел его даже и видеть. Хотя если бы приехал, помирились бы, небось. Да характером отец был весь в деда – такой же упрямый и суровый: выгнал, так выгнал. Не за проступки плохие, а за упрямство да непослушание. Но отец твой, видимо, был уверен в своей правоте, а потому обида в нём горела до самой смерти.

Не знаю, сообщили ли ему о смерти деда. Но на похоронах его не было. Даже телеграммы не прислал.

Но с матерью, с бабушкой твоей то есть, отец твой, видимо как-то связь поддерживал, хотя мы о том не знали ничего. Теперь можно догадываться, что она, вероятно, попросту звонила ему иногда с почты. Потому что писем она не получала точно. Поначалу она перед дедом скрывалась, что о твоём отце (да и о тебе, как видишь, тоже) знает, где он и что с ним, а потом уже, видимо, по привычке. Или потому, что отец-то умер вскорости за дедом, как мы потом узнали. Такие вот пироги.

Помолчав, дядя Павел как-то несмело спросил:

– О себе ничего не хочешь мне рассказать?

– А нечего. Живу, учусь, много читаю. Учусь хорошо. О братьях и сестре знаю только, где они учатся. Пишу им редко, как и они мне. Родственники по матери не пишут и не приезжают.

Но тут же поправились:

– Не приезжали до последнего времени. А тут заявились: и дядя, и тётя. Правда, со мной разговаривали минут пять, даже гостинца не привезли. Больше у директора в кабинете просидели. И сразу же уехали.

– Хороший у вас директор?

– Замечательный.

– Что, и все остальные – тоже замечательные?

– Большинство. А так – всякие попадаются. Но они быстро уходят. У нас, у детдомовцев, отношения как в семье. Друг друга не сдаём, не предаём, в беде не оставляем.

Так что чужому человеку у нас трудно приходится. Поэтому не задерживаются.

Некоторое время Вера колебалась, задать или нет самый главный вопрос. Но если не ответит Павел, то кто ответит?

– А какая всё-таки причина такому массовому паломничеству? Ну, не знали вы обо мне. Неожиданно узнали. И вдруг все, независимо друг от друга решили меня навестить? А если бы бабушка мне дом не подарила, тоже все бы решили съездить? Расстояние ведь приличное...

Он смутился.

– За других отвечать не могу. За себя скажу. Подленькая мыслишка, что дом-то тебе и ни к чему, может быть, была. Хотя меленькая. Основное всё-таки желание увидеться, посмотреть на дочку Гришину. Мы же с ним погодки, вместе росли, да и не чужой он мне.

Обижался я, правда, на него сильно, да и не только я, что он как уехал, так словно в воду канул. Уж мне-то, брату, мог бы весточку подать. Он ведь только с отцом поругался, а мы-то никто ему ничего плохого не сделали. Нет, ни разу никому не написал...

Я, что он умер, узнал буквально перед бабушкиной смертью. В связи с тем, что она вдруг завешание стала составлять. Я её к нотариусу и возил. Так вот на обратном пути домой она мне о тебе и сказала. И о Григории, отце твоём, тоже. Негусто, правда, сведений было. А она мне в ответ: хотел бы ты или ещё кто узнать о нём, о Григории, то есть, узнали бы давно. А то на блюдечке вам всё принеси. Я вот захотела, так и узнала.

Сердилась она на всех нас за это. Поэтому тоже молчала. Если спросил бы, ответила бы, небось. А коли не спрашивал, так она и не говорила. Молчаливая была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.